

О.Н. Кондратьева

Кемеровский государственный университет

**Концепт *сердце* в текстах Древней Руси:
опыт метафорического моделирования**

Переход на антропоцентрическую парадигму исследования языковых фактов обусловил новые пути исследования единиц метафорического плана, метафора стала ключевым понятием при изучении концептуальных систем. Соответственно, метафора начинает изучаться как «способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями **с целью создания новых концептов** (выделено нами – *О.К.*), особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [Телия, 1988, с. 3].

Сама идея о том, что метафора концептуальна по своей природе, не является абсолютно новой. Положение о возможности получать и выражать новое знание посредством метафор первоначально было выражено имплицитно в работах Аристотеля, К. Льюиса, Ф. Ницше, И. Ричардса и др. [подробнее об этом см.: Шабанова, 1999, с. 161-162], находилось на дальней периферии исследовательского внимания, и лишь относительно недавно оно стало ведущим, в метафоре отчетливо увидели ключ к пониманию основ мышления и процессов концептуализации.

Метафора – это когнитивная операция над понятиями, средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях [Лакофф, Джонс, 1990; Арутюнова, 1999; Кобозева, 2002; Опарина, 1988; Чудинов, 2001 и др.]. Своеобразие концептуальной метафоры состоит в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов, 2001, с. 52]. Таким образом, метафора выполняет центральную роль в понимании и структурировании человеком действительности.

Метафорической концептуализации подвергаются преимущественно понятия абстрактные. Уже Ш. Балли писал, что «мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [Балли, 1961, с. 221]. Эту особенность отмечают все без исключения исследователи концептуальной метафоры. Н.Д. Арутюнова совершенно справедливо заметила, что «без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, т.е. предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [Арутюнова, 1990, с. 9].

Предлагаемое исследование посвящено метафорическому моделированию концепта **сердце**. На основе анализа древнерусских текстов в работе выделяются базовые концептуальные метафоры, формирующие структуру названного концепта. Сердце как орган духовной жизни человека, в отличие от сердца – органа кровообращения, представляет собой объект «невидимого мира», и потому отображение его свойств возможно лишь путем выявления сходства по ряду параметров с некоторыми вполне материальными объектами. Все объекты, с которыми сопо-

ставляется сердце, являются базой для его познания, для выявления наиболее значимых свойств этой недоступной для непосредственного восприятия константы внутреннего мира человека.

Наиболее распространенными в древнерусском языке являлись такие концептуальные метафоры, как «сердце – человек», «сердце – растение», «сердце – место произрастания растений», «сердце – артефакт».

1. «Сердце-человек». Процесс концептуализации внутреннего мира происходит на базе знаний и представлений о человеке как живом существе. Человек запечатлел свой облик в языке, познавая мир, он наделяет его объекты своими свойствами. Сердце представляется в народном сознании неким живым существом, которое живет своей жизнью, обладает своим индивидуальным обликом и характером, что позволяет определить его как некоего «внутреннего человека», для объективации которого в языке используются антропоморфные метафоры.

Группа антропоморфных метафор является наиболее продуктивной и структурированной, она включает в свой состав целый ряд более мелких метафорических подгрупп, базовой из которых является блок физиологических метафор, где объектом переноса являются представления человека о своем теле, его функциях и физиологических действиях.

Жизненный цикл организма начинается с рождения и завершается смертью. В древнерусском языке (как и в современном русском) имена компонентов внутреннего мира, в том числе и лексема сердце, не сочетаются с глаголами типа *рождаться / родиться, появляться / появиться, возникать / возникнуть, умереть / умирать, погибнуть / погибать* и подобных, что возможно для других обитателей внутреннего мира человека, например, мыслей, чувств и эмоций (ср.: появилась мысль, родилась любовь, возникла симпатия, но не возможно: ?родилась душа, ?появилось сердце, ?погибло сердце и т.д.). Сердце мыслится неотъемлемой частью человека, появляется на свет и исчезает вместе с ним, что определяет запрет на сочетаемость подобного рода.

‘Жизнь’ сердца моделируется по законам физического существования живого организма. Подобно живому существу, сердце дышит: *О сем же бѣднѣ и яростнѣ дышут сердца еретикъ злочестивыхъ (САП); Послушай мене, благочестивый царь, многаго воздыхания сердца моего горкаго сетования плача моего (ПЖЦФИ); Земный от земныхъ плака, нам же подобает, да о небеснемъ мирѣ сердце воздыхаетъ (СП).*

Сердце испытывает необходимость в пище, чтобы поддержать свои силы. Так, оно может представать как ‘несытое’: *Со гордымъ окомъ пищу не присатихся, с несытным сердцемъ хлѣбомъ не сытихся (СП),* кроме того, его можно напоить: *радуитасъ# яко напаяюща срѣца. горести и болезнѣмъ ^гон#ща ... (ИЛ).*

Сердце может издавать звуки, которые являются проявлением эмоциональных состояний, например, оно способно стонать и всхлипывать: *...и стонуше сердца ихъ и смѣжающи очи свои (МЛС);* Княгиня Ирина Федоровна скорбию велию снесашеся и утробою разпалашеся, яко от великого ея *сердечнаго захлипания* и непрестанно перси бьение (ПЖЦФИ). Обладает сердце и слухом: *Она же хело сномъ бѣ преклонена, сердцемъ слышащи, бысть же возбужденна (МХ);* Виджь нынѣ, возлюбленная моя Потанцыяна, что *сердце мое слышало* и сама узнала по ево дородству и смѣлости, и уму мудрому, и храбрости великой. Знать по ево дорогому нраву, сто онъ не просто-ва роду (ППЗК).

Сердце в народных представлениях, повторяет некоторые особенности телесного облика реального человека. Так, для него характерно наличие ‘очей’, с

их помощью человек видит суть вещей, прозревает будущее: Тѣмъ же не смотряше телесными очима сиротства и убожества и худости отрочищу, но яко съвѣтъ господень разумень ему и сердечными очима зря лежащее на немъ благословение (Ал.); Стефанъ из глубины душевнаго моление принося и ото многаго труда мало въздрѣмаса, зрит очима сердца великаго Николу и к ногам его припад, милости прося (Хр. 1512 г.).

Для сердечных 'очей' характерно настойчивое подчеркивание их открытости, способности видеть и осознавать потребности ближнего, быть милосердным: втверзени бо ему бѣста въ Ба вчи сердечни на црквную вещь уже пещися црквными вещьми (ЛЛ); на весь бо ц(е)рк(о)вны чинъ втверъсты имѣя очи сердечни (СЛ); всемлствая влдице Бже въздвижни м# из глубины грѣховныя. и просвѣти ми вчи сердечни. и спсния сподоби м# ... (ИЛ).

Единичным является упоминание о наличии у сердца 'коленей'. Как человек является коленопреклоненным перед богом, так и его сердце в молитве склоняется перед Творцом: молим ти с#% раби твои. преклан#%ем колѣни срдца нашего. приклони оухо твое чстая. и спаси ны (ЛЛ).

Сердце, подобно реальному человеку, способно испытывать эмоции разной степени интенсивности. Оно может веселиться: он же се слыша и възвеселис#% срдце его болма (ИЛ); и весел# с# срдце мое. и възвеселис# оумъ мои. и низложи м# Бъ и смѣри м# (ИЛ). Эмоция боязни, которая возможна для сердца, успешно преодолевается благодаря упованию на заступничество Всевышнего: ... аще вполчитс#% на м#% пол не убоится срдце мое. аще встанеть на м#% брань азъ оуповаю на Га единого (ЛЛ). Эмоция скорби также свойственна сердцу: ... виждь скорбь сердца моего и язву душа моя! (СЛ).

Сердцу приписывается способность думать: Мняше бо сердце его, собирая беззаконие ему (ВИТ) и наличие мыслей, являющихся результатом его интеллектуальной деятельности: ... и прочее мысли срдца моего таино въздыхаше мол#%с Бу (ЛЛ); И с тои ихъ общей бесѣды и милое другъ на друга зрѣние, объяло его помышление сердечное, иже тѣмъ сердцемъ своимъ и любовью приклонился к прекрасной кралевне Магиле (ППЗК).

'Помыслы' сердца могут иметь особый характер – они связаны исключительно с повседневным существованием, а потому являются суетными и греховными. Необходимо оберегать сердце от подобных мыслей, избавляться от них: Грѣшныхъ сердець мысли земным прелѣпены (СП); ты же соблюде с(е)рдце свое от помысла грѣхованго, акы в чертозѣ, въ ч(и)стѣмъ телеси (СЛ); якоже вѣща солломонъ ... похвал#емоу правѣдному людемъ днсь ^(я)шас# ^ много срдць помышлениу соуетьна (ИЛ); .. и всяким хранением соблюдайте своя сердца от нечистых и скверных помыслов (СФК).

Обладает сердце и своей, независимой от человека волей, своими желаниями: Потомъ же старецъ много лѣтъ живяше, паче нежели сердце ихъ желаше (СП); Тѣмъ же моя плоть весела явися, волею сердца плоти устроися господню славу (СП); Листъ его не отпадетъ а все еже дѣтеть, по желанию сердца оногo успѣтеть (СП).

Характерны в концептуализации сердца и социальные метафоры. По данным древнерусских текстов сердце предстает во взаимодействии с другими субъектами, в рамках социума. Так, Н.Д. Арутюнова обратила внимание, что «компоненты психической жизни человека ... завязывают отношения друг с другом, образуя заговор, бунтуя, делая человека своим рабом, или, напротив, вступая между собой в

конфликты» [Арутюнова, 1999, с. 386]. Человек ощущает себя несчастным, если его «внутренние люди» находятся в конфликтных отношениях. Противником сердца в борьбе может выступать душа: о многострѣстный и печальны азъ. много борешис# срдцмъ. и одолѣвши дше срдцю моему (ЛЛ); Вѣдомо да есть царству твоему, яко отнелѣже в Македонии видѣния твоего разлучихся, оттоле сердце мое и душа рат(ь) межи собою сотвориста велику и умирити их не могах (Ал.).

Подобно реальному человеку, сердце может быть богатым или бедным, «убогим»: ^&ими оубогаго срдца мо~го. гордость и буесть. да не възношюся# су~тою мира сего (ЛЛ). Слово убогий является префиксальным производным от утраченного богъ «богатство», и его исконное значение – «лишенный богатства, бедный» [Шанский, 1971, с. 459].

Продуктивность религиозных метафор в концептуализации внутреннего мира человека объясняется значительной ролью христианского мировоззрения в средневековый период. Существование «внутреннего человека»-сердца в значительной степени определяется религиозными концепциями того времени. Сердце живет упованием на Бога, видит в нем защиту и гарантию своего существования. В значении глагола уповати основным является указание на внешний по отношению к человеку фактор как источник надежды, невозможно уповать на себя: готово сердце его уповати на господа, утвердится сердце его, и не подвижется (НЛ). Бог, в свою очередь, испытывает сердце человека, узнает его тайные помыслы и чувства: а бог вѣсть, испытая сердца челоувчская, право ли есть глаголющаа (НЛ); азъ есмь Бъ. испытая срдца. и свѣдыи мысли. вбличуи дѣла. опал#\$%и грѣхы суд#\$%и сиротѣ и оубогу и нищю (ЛЛ); С покаяниемъ сердца грѣхъ стви изъявилъ есть, яко онъ княжа сына иногда убилъ есть (СП).

«Внутренний человек»-сердце греховен, он живет с осознанием своей несовершенной природы: Грѣшныхъ сердцеъ мысли земным прелѣпены (СП). С понятием греха связана и идея покаяния, бог или человек снимают с человека грех, в результате чего тот снова начинает жить праведно, «целью всей духовной практики христианина становится стремление максимально приблизить «внутреннего человека» к образу Христа, и этот внутренний человек, как и реальный, избирает свои пути» [Лагута, 2003, с. 114]. Именно сердце сокрушается о грехах человека: Сердцемъ сокрушися о твоихъ грѣсхъ (СП). Концепт греха связан с идеей наказания, «которое имплицировано компонентом ‘вина’ в толковании этого слова» [Панова, 2000, с. 173]. Для русского православного сознания различаются два вида наказания – немедленное, при жизни, и после смерти, если человек не раскаялся в своих грехах. Наказанное при жизни человека сердце получает отпущение грехов и человек освобождается от мук в своем посмертном существовании: Десницу твою тако изволь ми сказати и на-казано сердце во мудрости дати (СП).

«Внутренний человек» наделен своим характером, традиционно определяемым как совокупность психических и духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении. Прежде всего, человек молит Бога, чтобы тот избавил его сердце от таких свойств, как гордость и «буесть»: ^&ими оубогаго срдца мо~го. гордость и буесть. да не възношюся# су~тою мира сего (ЛЛ). Гордость в древнеславянской культуре – это высокомерие, надменность, дерзость, а лексема буесть, обладавшая несколькими значениями, в приведенном контексте реализует значение ‘тщеславие, заносчивость’. Оба качества связаны с преувеличением человеком собственной значимости, с желанием возвыситься над себе подобными, нарушением христианского смирения, и потому пагубны для личности в ее стремлении достичь духовного совершенства. Гневливое сердце является причиной недостойного поведения человека, а потому его всегда насти-

гает заслуженная кара – оно будет поражено: ...испусти стрѣлу напрасно на него и ею же уязви его въ сердце гнѣвливое и въскоре смерть ему нанесе (МЛС). Трусливое сердце является показателем слабости мужчины-воина: И въ его мѣсто далъ воеводу сердца не храброго, но женствѣвающими обложена вещми, иже красоту и пищу любящего, а не луки натязати и копия приправляти хотящаго (Хр. 1617 г.). В проанализированных контекстах зафиксированы исключительно отрицательные черты ‘характера’ сердца. Положительные черты характера не упоминаются, возможно, потому, что воспринимаются как норма, внимание же акцентируется на отрицательных чертах характера, являющихся нарушением общепринятых норм, на особенностях, которые следует преодолевать.

Таким образом, сердце в древнерусских текстах концептуализируется как неподконтрольное телу существо, живущее своей собственной жизнью, воздействующее на других внутренних существ. Преобладание атропоморфных метафор, их детальная структурированность объясняется общей антропоцентрической направленностью процесса познания.

2. «Сердце-растение». Со времен язычества растениям и породившей их земле приписывались особые магические функции, а растительные метафоры активно использовались в процессе осмысления как внешнего, так и внутреннего мира. Посредством метафоры ‘цветения’ сердца описывается эмоциональное состояние человека: а мнѣ же цвететь сердце и точить умъ, но языкъ ми косенъ и худословесен и толикое величество исповѣдати (ИФ), метафора ‘увядание’ реализует значение ‘угнетенное эмоциональное состояние, страх’: о сей князе азъ, страстный, егда помышляю, трепещу и трясуся, сердцем увядаю (СЯ).

Метафора ‘сердечного корения’ связана с жизненной силой человека: из третьева стрелили – убили богатыря против сердца богатырскова, отрезали корень сердечное (ПС); како ли не оупали зеницы со слезами вкупе, како ти не оурвалося сердце от корени (ПЛ). ‘Плоды сердца’ символизируют идею урожая, жатвы, а «в духовном плане – мудрость» [Топоров, 1997, с. 369], что подчеркивается и эпитетом ‘плода’ умный: что рано увядаеши виноград многоплодный, уже не посади плода сердцу моему... (СЛ); сердце же плодъ умныи миру подаваетъ (СЛ).

3. «Сердце-нива». Сердце метафорически уподобляется ‘местам произрастания растений’. При этом источниками метафорической экспансии является исключительно окультуренный, освоенный человеком растительный массив – нива:

В древнерусских текстах ‘нива’ и сердца подвергается действиям, которые характерны для обычного поля. В описании процесса приобщения человека к истинному вероучению, в познании книжности, присутствуют все этапы земледельческих работ, а именно пахота: штець бо сего Володимеръ [землю] взора и оум#кчи рекше крещеньемъ просвѣтивъ. съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий (ЛЛ), посев: ...всегда сѣю в ниву сердцеъ Вашихъ сѣмя Божественное, ни коли же вижю прозябша и плод породивша (ССВ), Ярославъ сынъ Володимеръ же насѣя книжными словесы стѣрдца вѣрныхъ людий. а мы пожинаемъ оученье приимлюще книжное (ИЛ), Прииде ж во времена глад велик на землю, самодержецъ же в тузе и в болѣзни быв и, видев падения многа, зжалися зело гладных ради, и ниву сердца своего благоразсуднаго милосердия жита насѣяв, существенную пшеницу, елико предохраняющую человеческому естеству, роздати повелѣ (СЦДС), жатва: съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий. а мы пожинаемъ оученье приимлюще книжное (ЛЛ).

Хорошо знакомый человеку процесс земледелия, особое отношение к земле как главной ценности, от которой во многом зависит существование человека, обусловило перенос данных характеристик на компоненты внутреннего мира, также воспринимаемые как необходимые для существования. Земледельческие метафоры использовались для описания процесса познания, приобщения к православной вере.

4. «Сердце–артефакт». Предметы, созданные человеком, являются необходимым атрибутом его существования, в них человек реализует себя. Одной из самых древних, по всей видимости, является метафора «сердце – дом», поскольку с древнейших времен человек стремился создать жилище, чтобы укрыться от природных катаклизмов и неприятелей. Сердце уподобляется как обычному жилому строению – дому или чертогу: не въведи иного зп#ти въ чьртогъ срдц# си (УС); въ чертозѣ нашего сердца (ПНЧ), строениям хозяйственным: възлюби достояна тебе всю отъверзи хлѣвину срдца си (УС), обрѣтають бо ся сицевии не съ Христомъ събирающе пшеницу чистую, сирѣчь вѣру пречисту и непорочну въ небесныхъ его житница, еже суть сердца и мысли православныхъ вѣрующихъ в него (СМГ), а также строению культовому, церкви: и нача помышляти в таинем храме сердца своего, яко страхомъ объятъ бысть (ПНЗ) [подробнее о домовой метафоре см.: Пименова, Кондратьева, 2005].

Второй по значимости среди артефактных метафор является метафора, уподобляющая сердце домашней утвари, а именно разного рода посуде. Сосуд, в отличие от остальных типов вместилища, заполнен принципиально другим – жидким – содержимым: сосудъ сердце а слезы исповедание (УС); сердце же мое внутрь предъ ты си изливается и милости твоей с вѣрою ожидает (АП). В современном русском языке метафора ‘сердца-сосуд’ связана исключительно с мифологемой ‘чувства (эмоции) – жидкость’. На это обстоятельство указала Н.Д. Арутюнова, отметившая, что, говоря об эмоциях и чувствах, следует «...считать доминирующим представлением о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих форму сосуда (выделено нами – О.К.) [Арутюнова, 1999, с. 389]. Любое чувство и настроение может наполнять сердце и переливаться, изливаться за края, как переливается жидкость через края емкости.

В изученных текстах кроме эмоций в качестве жидкости концептуализируется разум, который может вытекать из разбитого ‘сосуда’ – сердца глупого человека: сердце боуяго яко сѣсудъ оутѣль. всякого разоума не оудѣръжитъ (ИС). С книжностью, разумом и мудростью соотносится и другой тип ‘жидкости’ – слова, наполняющие сердце человека и умудряющие его: простѣри сердечный сосудъ. да накоплютъ ти словеса славыша меду. могущиая оживити. и бесѣсмѣртная явити ты (ИС).

К области домашней утвари относятся и светильники, некоторые из которых ранее имели вид сосуда, наполненного жиром или воском: ты же того (Св. Духа) свѣтъ не мраченъ храниши въ сосудѣ сердца, и намъ тѣмъ свѣтиши (СМ); свѣтилникъ сердца да не угасаетъ, на всякъ часъ тебѣ, судию, да чаеъ (АП).

Если рассмотренные артефактные метафоры (‘дом’ и ‘сосуд’) являются воплощением когнитивной модели ‘вместилища’, то следующая метафора реализует когнитивную модель ‘поверхности’ и характеризует объекты внутреннего мира как страницу книги или скрижаль.

На сердце, как на книжной странице, пишут самое важное, то, что необходимо постоянно помнить: отче, отяготѣхъ тягостию, рцы ми слово вкратце: что лихая жена и что злоба еѣ, скажи ми и напиши на сердца моемъ (БОС).

Метафора 'сердце-скрижаль' восходит к тексту Библии, к Книге пророка Иеремии, который часто цитируется в древнерусских текстах: Иеремия же рече тако гл҃ть Г҃съ. положю дому Июдину завѣтъ новъ, дая законы в неразумьѣ их. и на ср҃дца их напишю и буду им Б҃ъ. и ти будутъ мнѣ в люди (ЛЛ).

На 'скрижали' сердца пишутся евангельские заповеди и законы нравственной жизни: не токмо ото искусныхъ християнъ, доброю совѣстью живущихъ, у которыхъ бывають на сердцахъ скрижалей плотныхъ написаны заповедей Христовыхъ евангельские слова (ИВКМ), а в некоторых случаях на них появляются недолжные написания: и избѣжавъ Полшу и тамо безъчисленныхъ богомерскихъ ересей съкрижали сердца своего наполнилъ, и тмообразную свою душу паки предавъ въ руцѣ сатанины (ППРМГ).

Достаточно распространенной является метафора, уподобляющая объекты внутреннего мира человека одному из основных средств перемещения – кораблю или лодке. Данная метафора связана с восприятием жизни как бурного моря, где бьются волны и угрожают поглотить человека. Концептуальная метафора 'сердце-корабль' используется для передачи эмоционального состояния человека: сердце бо его обуряваемо бяше, яко корабль нѣкии в пучине морстеи вѣтры и волнами обуреваемъ (Ал.); многими обуреваемъ волнами, тако сердце наше потоплена суть жалостию за вас (Ал.).

Распространенным являлось и уподобление компонентов внутреннего мира человека некоторым предметам хозяйственного инвентаря. Так в изученном материале была отмечена такая метафора, как 'сердце – невод': неводъ бо сердце ея (любодейцы), и сети уды ея, и узы в руку ея, и ловление беседы ея, осилы устенными заведеть во блудъ (ПЯЧ). Необходимым атрибутом выживания и защиты с древнейших времен являлось оружие. Сердце храброго человека уподобляется твердой, выкованной стали оружия: ваю храбрая сердца в жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена (СПИ).

При анализе древнерусского материала обратило на себя внимание отсутствие концептуальных метафор «сердце–зеркало», «сердце–музыкальный инструмент», «сердце–механизм», характерных для современных текстов [см. анализ подобных метафор: Михеев, 1991; Пименова, 2004; Яковенко, 1999].

Отсутствие 'зеркальной' метафоры объяснимо, на наш взгляд, особым отношением средневековой культуры к символу зеркала. Зеркало с языческих времен воспринималось как символ удвоения действительности, граница между земным и потусторонним миром, а потому считалось опасным и требовало осторожного обращения [подробнее см.: Толстая, 1995, с. 195]. Отношение к музыке и музыкальным инструментам в исследуемый период также отличалось от привычного нам. Религиозная культура видела в светской музыке явление греховное, отвлекающее от мыслей о жизни вечной. В отличие от западной культуры, где «музыкальные инструменты использовались в богослужении, о чем нам напоминают многочисленные «музицирующие ангелы» на полотнах западноевропейских живописцев, инструментальная музыка на Руси не была принята». [Чумакова, 2001, с. 11]. По свидетельствам иностранцев, «всякую инструментальную музыку русские отвергают, потому что, как говорят они, она, как и другие бездушные предметы не может хвалить и воспевать творца, а напротив, только доставляет удовольствие чувствам и мешает благоговению» [Ливанова, 1938, с. 285]. Инструментальная музыка считалась едва ли не дьявольским изобретением. Неслучайно появление нечистой силы описывалось как нашествие бесов, играющих на музыкальных инструментах. Соответственно сердце, являющееся центром духовной жизни человека, главной ценностью, не могло быть уподоблено реалиям со столь сомнительной

оценкой. Метафора же механизма (ср.: а вместо сердца пламенный мотор), безусловно, в данный период еще не существует, по причине отсутствия самих механизмов в жизни средневекового человека.

Артефакты необходимы человеку для выживания и более комфортного существования, он активно использует их в своем повседневном обиходе, что и определяет продуктивность артефактной метафоры при концептуализации внутреннего мира человека.

Подводя итоги, отметим, что современный русский язык сохраняет базовые концептуальные метафоры, пронеся их через тысячелетия. Ряд метафор, существующих в современном русском языке, отсутствовал в древнерусском языке по причинам религиозного и символического характера. Объектом сопоставления с сердцем могли быть только символы, одобренные церковью и имеющие положительную оценку в средневековой культуре, относящиеся к области высокооцениваемых явлений. Известно, что источником концептуализации являются области, актуальные для общества определенного времени. Для средневекового периода в качестве таковых выступает сам человек, природный мир, предметы, окружающие человека.

Таким образом, при метафорической концептуализации одно и то же «мыслительное пространство» может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор» [КСКТ, 1996, с. 55]. Так, сердце предстает в древнерусский период как человек, растение, нива, дом, скрижаль, корабль, невод, оружие, и это далеко не полный список концептуальных метафор. В результате происходит экспликация различных сторон познаваемого объекта, что позволяет выделить его существенные свойства и воссоздать его целостный образ.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&y=2002&vol=6077
- Кондратьева О.Н. Концепты душа, сердце, ум // Антология концептов. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 80-92.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 1-2.
- Лакофф Дж., Джонс М. Метафоры, которыми мы // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., 1990. С. 387-416.
- Ливанова Т. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М., 1938.
- Михеев М. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1991. С. 145-153.
- Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1988. С. 65-77.
- Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
- Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Субсфера «артефакты» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) // «Вопросы когнитивной лингвистики». 2005. № 1. С. 26-38.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1988. С. 173-204.

Толстая С.М. Зеркало // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 195-196.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.

Чумакова Т.В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в Культуре Древней Руси. СПб., 2001.

Шабанова Е.Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании (обзор) // «Реферативный журнал. Языкознание». 1999. № 1. С. 158-176.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1971.

Яковенко Е.Б. Сердце, душа и дух в английской и немецкой картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. С. 38-51.

Источники древнерусских примеров

Ал. – Александрия // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века. М., 1982.

АП – Анонимная поэзия // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 3. М., 1994.

БОС – Беседа отца с сыном о женской злобе // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1. М., 1988.

ВИТ – Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.

ЖПА – Житие протопопа Аввакума // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 2. М., 1989.

ИВКМ – Андрей Курбский. История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XVI века. М., 1986. С. 218-399.

ИС – Изборник Святослава 1076 г. М., 1965.

ИЛ – Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.

ИФ – Инока Фомы слово похвальное // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века. М., 1982. С. 268-333.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.

МЛС – Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.

МХ – Мардарий Хоников. Стихотворения к Библии Пискатора // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 191-213.

НЛ – Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.

ПЖЦФИ – Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII века. М., 1987.

ПА – Послания Аввакума // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 523-579.

ПЛ – Псковская первая летопись // Псковские летописи. Ч. I. М.; Л., 1941.

ПНЗ – Повесть о Николе Зараском // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 176-183.

ПНЧ – Пандекты Никона Черногорца XII // Рукопись: Сборник XIV в., ГПБ, Погод. собр., 267.

ППЗК – Повесть о Петре златых ключей // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 323-373.

ППРМГ – Плач о пленении и о конечном разорении московского государства // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII века. М., 1987. С. 130-145.

ПЯЧ – Послания Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 456-463.

САП – Сказание Авраамия Палицина об осаде Троице-Сергиева монастыря // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII века. М., 1987. С. 162-281.

СЛ – Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. М., 2000.

СМ – Сильвестр Медведев. Стихотворения // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 215-243.

СМГ – Сочинения Максима Грека // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 456-493.

СП – Стихотворения Симеона Полоцкого // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 53-187.

СПИ – Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 372-389.

ССВ – Слова Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

СФК – Сочинения Федора Ивановича Карпова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – перв. пол. XVI в. М., 1984. С. 494-519.

СЦДС – Хворостинин И.А. Слова царей, дней и святителей // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – первая половина XVII в. М., 1994.

СЯ – Стихотворения Стефана Яворского // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 3. М., 1994.

УС – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Хр. 1512 – Хронограф 1512 г. // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 376-415.

Хр. 1617– Хронограф 1617 г. // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII века. М., 1987. С. 318-357.